

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР, ВЛЕКУЩИЙ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

Изучение лжесвидетельства в рамках применения норм гражданского и арбитражного законодательства, а также возможных способов доказывания по факту установления лжесвидетельства.

Ключевые слова: лжесвидетельство, гражданский процесс, арбитражный процесс, полиграф.

Лжесвидетельство как процесс дачи заведомо ложных сведений, объяснений существует со времен любого судебного или аналогичному ему процесса. Подобный способ участия в совершении правосудия составляет основную и перво-степенную проблему для разрешения дел и выявления объективной истины.

В отечественном законодательстве лжесвидетельство поименовано в тексте КоАП РФ и УК РФ. При этом, по статье 17.9 КоАП РФ регулируются отношения, связанные с административным правонарушением или в исполнительном производстве, т. е. в рамках гражданского и арбитражного процесса будут применяться уже нормы УК РФ. Изначально стоит выделить основные проблемы в связи с лжесвидетельством и проанализировать возможные пути решения.

Привлечение за лжесвидетельство по УК РФ возможно при соблюдении формального состава преступления, т. е. является окончанным с момента совершения самого опасного деяния, без необходимости в причинной связи и последствиях. Несмотря на это, доказательства будут получены и рассмотрены только в ходе судебного разбирательства, где будут зафиксированы показания, относящиеся к лжесвидетельству в гражданском или арбитражном процессе, что больше принадлежит уже к реальному составу преступления. Таким образом, для признания факта лжесвидетельства возбуждается новый процесс, а именно уголовный, который представляет собой уже иной способ, с другими механизмами и сроками.

По статье 307 УК РФ ответственность наступает за показания свидетеля, потерпевшего, заключения или показания экспертов, кроме стороны обвинения, которая пользуется правом на защиту, предусмотренным Конституцией, т. е. может давать заведомо ложные показания, а привлечение к ответственности по данному составу преступления не представляется возможным, в чем и состоит объективная сторона. Главной особенностью является «заведомая ложность» сведения по конкретным обстоятельствам или фактам, т. е. не будут образовывать состав преступления факты, вызванные заблуждением. В этом кроется основная проблема – доказательство.

* Зайцев Илья Алексеевич – бакалавр, Юридический институт, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: zaitzeff.ilya2018@yandex.ru.

Так, не попадает под состав преступления ошибка эксперта или специалиста, вызванная недостаточным уровнем специальных познаний или добросовестным заблуждением. Вопрос лишь в доказательстве добросовестности эксперта. Каким способом будет проверяться его действия? Назначена повторная экспертиза другим лицом и еще раз, уже другим, для уточнения полученных данных? И если допустить, что были обнаружены другие данные, то для привлечения эксперта, который «ошибся» возникает необходимость по доказыванию. Значит происходит экспертиза на действия эксперта о его возможности ошибиться, что представляет собой довольно абсурдную ситуацию, учитывая тот факт, что большинство экспертиз проводится относительно небольшим числом лиц, тесно общающихся между собой. Ошибка эксперта считается добросовестным заблуждением. Но согласится ли эксперт давать заключение на ошибку другого эксперта.

Остается открытым и процессуальный вопрос. Так, в п. 3 статьи 87 ГПК РФ указано, что для назначения дополнительной или повторной экспертизы должны быть изложены мотивы несогласия суда, а не сторон, т. е. данный способ остается на усмотрение суда. В случае отказа в проведении повторной экспертизы остается вариант обжаловать через суд, рассматривающий спор. Даже если будет назначена экспертиза, то вопрос о привлечении к ответственности остается открытым. Вопрос же недостаточности познания еще более спорный [4].

Санкции статьи 307 УК РФ выглядят достаточно лояльными. Для сравнения, в Латвии, Таджикистане и Молдове наказание за лжесвидетельство предусмотрено 2 года лишения свободы, в КНР и Польше – 3 года, во Франции – 5 лет, в Индии – 7 лет, в Алжире, Бельгии, Аргентине и Японии – 10 лет, в Канаде – 14 лет, а в Германии – 15 лет. При том, что это уголовная ответственность, а не административная [5, с. 287–288].

В положениях статьи 307 УК РФ нет ответственности за лжесвидетельство участников судопроизводства со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, защитник), т. е. не предусмотрено обязательства по даче исключительно соответствующих истине показаний, равно как и ответственности за дачу заведомо ложной информации. Фактическая возможность не нести ответственность за дачу ложных показаний, сведений отрицательно влияет на авторитет судебной власти. Так, согласно некоторым исследованиям, уровень латентности лжесвидетельства по уголовным делам достигает 50 %, а по гражданским – 90 %. Разумеется, точные данные привести невозможно, так как не каждая ложь доходит до суда, до правоприменительной практики, поскольку новые судебные издержки являются обременительными для сторон.

Ложные сведения в российском гражданском и арбитражном процессе подлежат доказыванию уже в уголовном процессе, в то время как законодательство Швейцарии предусматривает ответственность за ложные показания стороны (истца, ответчика) непосредственно в текущем гражданском процессе. Согласно ст. 306 УК Швейцарии такое деяние наказывается каторжной тюрьмой на срок до трех лет или тюремным заключением. Ответственность за заведомо ложные обвинения предусмотрена и в ст. 456 Уголовного кодекса Испа-

нии, а также в § 168–173 Общегражданского уголовного кодекса Норвегии [6, с. 204–205].

Пример зарубежных государств доказывает логичность предложений об унификации разбирательства в связи с лжесвидетельством – производить в рамках процесса, в котором выявлен факт порочных сведений, а не выносить в отдельный, как происходит в Российской Федерации на данный момент. Также не должно быть разграничений, будь то административный или уголовный, санкция должна быть одинаково строгой. Тем не менее, стоит признать, что даже соблюдение указанных процессуальных норм не гарантирует увеличение дел, обличающих лжесвидетельство.

Еще одной проблемой является сама методика опроса свидетелей, поскольку в гражданском процессе во время судебного разбирательства показания даются впервые, в отличие от уголовного. Соответственно, использовать различные тактические приемы ведения опроса с целью выявления противоречий представляются затруднительными [3].

Некоторые авторы предлагают введение полиграфа как способа выявления лжесвидетельства. Является ли данный способ правомерным и действенным? Существует отдельный нормативный правовой акт – Федеральный закон «О применении полиграфа». Согласно положениям ст. 55 ГПК РФ доказательства должны быть получены без нарушения закона, а применение полиграфа возможно как своеобразный вид экспертизы. Но располагает ли большинство субъектов РФ на сегодняшний день необходимым количеством судебно-экспертных учреждений, позволяющих проводить подобный вид экспертно-психофизиологической деятельности? Стоит не забывать, что в данном случае полиграф является не обязательным, а добровольным.

Проведенный в США анализ эффективности работы полиграфа, показал, что его надлежит отнести к «ненадёжному» источнику получения информации, даже если взять условие о 100 % вероятности [1, с. 8–9].

Так стоит ли применять полиграф в рамках судебного разбирательства, включая и гражданский, и арбитражный процесс. Например, в Германии отказались от использования полиграфа, обосновав тем, что «детектор лжи» унижает достоинство человека и его неприкосновенность». А в Канаде полиграф используется лишь для подтверждения факта совершения преступления, но не средства доказывания, что является целесообразным [8, с. 184].

Использование полиграфа будет противоречить фундаментальным принципам ведения процесса, в частности, в таком случае нарушается принцип состязательности. Происходит не отстаивание позиций сторон в споре всеми имеющимися законные подтверждения способами, а слепое доверие результатам полиграфа. Суд выносит решение, не используя внутренние убеждения, а опираясь только на информацию, полученную от полиграфа [2, с. 183].

С момента начала использования полиграфа Следственным комитетом РФ обвинительных заключений стало в два раза больше. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 3 апреля 2013 года был утвержден обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ за второе

полугодие 2012 года, где в п. 5.2.1 указывалось: «Согласно уголовно-процессуальному закону психофизиологические исследования не являются доказательствами» [7].

Назначение на полиграф возможно в качестве подтверждения факта лжесвидетельства только с разрешения суда. Несмотря на санкцию суда, процедура будет осуществима лишь с согласия самого гражданина, подвергаемого данной процедуре, согласно Конституции РФ. Получить согласие со стороны, скажем, защиты маловероятно, что свидетельствует о фактической невозможности применения этого метода. Отказ от использования полиграфа суд может расценивать по собственному усмотрению лишь как косвенное доказательство, если вообще данный факт подлежит оценке – испытуемый может быть подвержен психологическому давлению, в результате чего установить истину не представится возможным, напротив, будет установлена вина за то, что не совершалось. Гражданский и арбитражный процесс являются полностью состязательными и строятся на данном принципе как основном. Выявление полиграфа, даже в качестве доказательства, может говорить об изменении системы. Единственное доказательство? Вряд ли.

Даже если будет создано средство, объективно устанавливающее истину методом специального препарата, технологии, можно ли будет говорить о юридической защите? Такой метод устанавливает лишь факт, а суду остается оценка, т. е. мера наказания или способ разрешения спора (носит номинальный характер). Данный факт будет соответствовать истине, и позволит упростить систему судопроизводства для дел, отнесенных к гражданскому и арбитражному процессу.

Полиграф считается ненадежным, но единственным возможным методом в доказательстве лжесвидетельства и получения истины. В перспективе, смогут ли граждане осознанно согласиться на введение данной системы, когда все будет предельно открыто и справедливо? Или это и есть залог идеального общества будущего, включающего судебную систему.

Список использованной литературы

1. Грицаев С.И. Проблемы правовой регламентации и естественнонаучной обоснованности применения полиграфа в расследовании преступлений / С.И. Грицаев, Д.В. Шевель // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 96. – С. 1–10.

2. Машовец А.К. К вопросу о допустимости применения полиграфа для получения показаний в судебном следствии / А.К. Машовец // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 182–186.

3. Панков К.Ю. Некоторые аспекты лжесвидетельства в гражданском процессе [Электронный ресурс] / К.Ю. Панков, С.В. Горлова. – Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2200 (дата обращения 17 апреля 2017 г.).

4. Сайт «Ч» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expertsudeb.narod.ru/index/0-29> (дата обращения 17 апреля 2017 г.).

5. Спектор Л.А. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод как препятствие осуществления правосудия / Л.А. Спектор // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 284–288.

6. Терехин В.А. Право на ложь в суде как фактор дестабилизации правосудия / В.А. Терехин, В.В. Захаров // Наука. Общество. Государство. – 2015. – № 3. – С. 204–207.

7. Обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://ппвс.рф/2013/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2013.04.03-kassatsyia.html> (дата обращения 17 апреля 2017 г.).

8. Ушаков А.Ю. Основные тенденции применения полиграфа при расследовании преступлений в России и за рубежом на современном этапе / А.Ю. Ушаков, О.Е. Беркович // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 183–186.